

И.Л. Алексеев

Возвращаясь к Ибн Халдуну (вместо предисловия)

I

Вали ад-Дйн Абӯ Зайд ‘Абд ар-Рахмāн ибн Муҳаммад ибн Халдун ал-Хадрамӣ (1332–1406), государственный деятель, историк и философ, замыкающий цепь выдающихся мыслителей классического арабо-мусульманского средневековья, рассматривается многими исследователями в качестве одного из основных предшественников современной социологии и теории истории [см., напр.: Mahdi, 1937; Бациева, 1965; Игнатенко, 1980; Turchin, 2003]. Жизнь Ибн Халдуна наиболее полно представлена в его «Автобиографии» [Ибн Халдун, 1951], «самой подробной в средневековой мусульманской литературе» [Rosenthal, 1958, р.ххii]. Автобиографические сведения содержатся также в *Муқаддиме* и отдельных главах *Китāб ал-‘Ибар* [Бациева, 1965, с. 40]. Некоторые периоды жизни Ибн Халдуна описаны его друзьями и учениками. Ценное, например, хотя, по выражению Ф. Роузенталя, довольно «поверхностное», описание жизни Ибн Халдуна с 1382 г. содержится у Ибн ал-Хатйба в его «Истории Гранады».

Род бану Халдун, чей основатель некий Халдун переселился в Испанию еще в VIII в. н. э. [Rosenthal, 1958, р.хххii], принадлежал к андалусской аристократии. Многие представители рода бану Халдун были выдающимися людьми в области богословия и права, это также во многом обеспечивало им лидирующее положение в Севилье [Rosenthal, 1958, р.хххiv]. Например, отец Ибн Халдуна Мухаммад, помимо поэзии и филологии, серьезно изучал маликитский *фикх* и слыл знатоком логики [Бациева, 1965, с. 42].

Ибн Халдун получил классическое образование: изучал Коран и коранические науки, а также мусульманское право, логику и арабскую филологию. Большое значение для жизни Ибн Халдуна имело меринидское завоевание Туниса в 1347 г. Тогда вместе с новой властью в город прибыло огромное число ученых, выступавших с открытыми лекциями. Ибн Халдун получил возможность учиться у самых известных и авторитетных литераторов, правоведов и историков [Бациева, 1965, с. 42-43].

Первую свою должность Ибн Халдун получил в двадцать лет. Он стал секретарем в канцелярии султана в Тунисе [Rosenthal, 1958, р. xxxix]. Позже, переехав в Фес, он женился на дочери видного военачальника Мухаммада ал-Хакима, представительнице знатной и образованной семьи [Rosenthal, 1958, р. xliii]. В дальнейшем, во время частых переездов из города в город, Ибн Халдун отправлял свою семью в Константинополь к брату жены, ссылаясь на неустойчивость нового положения. Однако зачастую случалось так, что он тем самым подвергал их опасности в то время, когда ему ничего не грозило [Ibid.].

Взлет политической карьеры Ибн Халдуна пришелся на 60-е гг. XIV в. Он занимал самые высокие посты при султанах и эмирах Гранады, Бужи и Феса. При эмире Абу 'Абдаллахе Мухаммаде, например, Ибн Халдун стал хаджимом (1365 г.), получив тем самым безраздельную административную власть [Бациева, 1965, с. 47]. За эти годы Ибн Халдуну пришлось также выступать в качестве дипломата и военачальника [там же, с. 46-50].

На протяжении службы Ибн Халдун всегда занимался наукой. Живя в Фесе, он использовал любую возможность, чтобы посещать лекции своих коллег-ученых, встречался с самыми яркими представителями интеллектуальной элиты того времени. Он также изучил лучшие книгохранилища городов, где ему приходилось жить: Гранады, Бужи, Бискры, Тлемсена [там же, с. 54]. Однако биографы Ибн Халдуна признают, что ни одну науку он не изучал системно, возможно, поэтому и не став выдающимся богословом или литератором. «Его редкий дар, – пишет Ф. Роузентал, – был предназначен для создания новой науки» [Rosenthal, 1958, р. xli].

Впоследствии сведения, собранные во время общения с философами, литераторами, богословами, факихами и даже астрономами Феса, Ибн Халдун использовал при написании *Муқаддимы*, работу над которой он завершил к 1375 г. Интересно, что свои научные труды, созданные до *Муқаддимы*, Ибн Халдун нигде не упоминает [там же].

Положение ученого становится шатким, когда он оказывается в милости у Ибн 'Арафы, крупнейшего авторитета в области богословия и права не только Ифрикии, но и всего Магриба и Андалусии того времени. Ибн 'Арафе удается убедить султана в том, что Ибн Халдун представляет собой опасность. Это вынуждает ученого в 1382 г. навсегда покинуть Магриб. Под предлогом хаджа он отплывает в Александрию [Бациева, 1965, с. 56-57].

В 1383 г. прибыв в Каир, Ибн Халдун полностью посвятил себя изучению и преподаванию маликитского права. В ал-Азхаре он читал посвященный этой теме курс лекций, на которых также изложил свое учение об обществе. Через год Ибн Халдун стал руководить медресе ал-Камхийя, старейшим центром изучения маликитского фикха. Тогда же он был назначен верховным маликитским кади; в последствии Ибн Халдун занимал этот пост пять раз: его политическое положение в Египте отнюдь не всегда было устойчивым. Однако в целом нужно признать, что на протяжении всех 23 лет

жизни в Каире Ибн Халдун был всегда востребован властью и пользовался абсолютным признанием и уважением научной элиты. Умер Ибн Халдун в 1406 г. [Бациева, 1965, с. 58-65].

II

Как справедливо отмечалось исследователями [см., напр.: Бациева, 1965; Игнатенко, 1980], вклад Ибн Халдуна в арабо-мусульманскую историческую и философскую мысль заключался, прежде всего, в том, что им была предложена принципиально новая концепция мировой истории, связывавшая исторический процесс с динамикой развития структур человеческого общества. Ибн Халдун перешел от «истории пророков и царей» (парадигма, заложенная еще ат-Табари) к истории человеческих сообществ, попытавшись выявить некоторые закономерности развития этих сообществ и объяснить их объективными причинами, кроющимися в природе людей.

Поставленная Ибн Халдуном задача «исследования основ» и «принципов» общественной жизни позволила ему заявить о создании «новой науки», которая и является истинной историей. Он определил ее как важнейшую ветвь философии (*хикма*), т. е. отнес к рациональным наукам. Методами же этой науки должны были стать критический анализ исторических сообщений (*азбār*) с точки зрения здравого смысла и проверка достоверности содержащейся в них информации. В результате Ибн Халдун приходит к построению динамической модели исторического процесса, в которой развитие человеческих обществ протекает неравномерно и оказывается обусловленным целым комплексом факторов биологического и социально-экономического порядка.

Наиболее известна теория политических циклов Ибн Халдуна, сформулированная им на материалах истории, в основном, современных ему обществ арабского Магриба и изложенная в его основном сочинении «Пролегомены к книге поучительных примеров и дивану сообщений о днях арабов, персов и берберов и их современников, обладавших властью великих размеров», известном также как *Муқаддима* или «Введение» [Ibn Khaldūn, 1958; Ibn Khaldūn, 2004]. Современные исследователи, обращающиеся к идеям Ибн Халдуна, не будучи арабистами, чаще всего используют английский перевод Ф. Роузентала [Ibn Khaldūn, 1958a]. В отечественной литературе идеи Ибн Халдуна наиболее подробно изложены в работе С.М. Бациевой [Бациева, 1965]. На русский язык *Муқаддима* до сих пор полностью не переведена, хотя выборочный перевод некоторых фрагментов, выполненный преимущественно С.М. Бациевой, несколько раз издавался в различных антологиях [см., напр.: Ибн Халдун, 1961]. Последняя по времени подборка фрагментов *Муқаддимы* в переводах С.М. Бациевой и А.А. Игнатенко приводится в книге последнего [Игнатенко, 1980].

В наиболее общем виде теория Ибн Халдуна о политических циклах сводится к следующему. Ибн Халдун выделяет три основных типа человеческого общежития (*умрān*): (1) *вахш* – «дикость», доземледельческий образ жизни с элементарной социальной организацией и максимальной степенью

вписанности в природную среду [Ibn Khaldūn, 1958, vol. I, p. 173-174, 374; Бациева, 1965, с. 160]; (2) *бадв* – «кочевье», «пустыня», «сельская жизнь» или «примитивное состояние», под которым понимается в основном кочевой образ жизни, но также сюда включается и сельское земледелие [Ibn Khaldūn, 1958, vol. I, p. 67; Бациева, 1965, с. 161; Mahdi, 1937, p. 31-33]; (3) *хадар* – «городская жизнь» или «цивилизация», периферией которой являются первые два типа [Ibn Khaldūn, 1958, vol. I, p. 67; Бациева, 1965, с. 161; Mahdi, 1937, p. 42]. Именно взаимодействие «цивилизованного»/«городского» центра и «кочевой»/«сельской» периферии определяет динамику социального развития по Ибн Халдуну. «Кочевники», которые живут в трудных социально-экологических условиях и для которых характерен низкий уровень потребления, высокий уровень групповой идентичности, солидарности и готовности к экспансии (*‘асабиййа*), периодически завоевывают «городской» центр, обеспечивающий политико-экономический рост общества, и основывают там правящую династию. Первоначально их власть не требует больших расходов и, в силу этого, не проявляет особо заметной тирании. По мере роста благосостояния «цивилизации» возрастает численность населения и уровень потребления материальных благ, сокращается объем ресурсов, возрастает налоговый гнет, усиливается тирания и снижается уровень *‘асабиййи*, что приводит к социально-политическому кризису, который заканчивается приходом новых завоевателей из «пустыни», начинающих новый цикл [Бациева, 1965].

В последние годы теоретическое наследие Ибн Халдуна довольно неожиданно послужило вдохновением для целого ряда исследователей, занимающихся математическим моделированием исторических, социальных и демографических макропроцессов [см., напр.: Коротаев, 2006; там же анализ работ этого направления].

Так, например, П.В. Турчин показал, что «модель Ибн Халдуна» может быть в модифицированном виде применена для аграрных обществ в целом [Turchin, 2003]. Независимо от него С.А. Нефедовым была сделана попытка применить теорию демографических циклов, разработанную в течение XX в. рядом европейских и американских ученых (Р. Пирл, В. Абель, М. Постан, Ф. Бродель, Р. Камерон и др.) к материалу ряда обществ древнего и средневекового Востока. В частности, он попытался проследить динамику социально-экономического развития и смены правящих династий в Ираке и Иране в VII–XIII в. [Нефедов, 1999; Нефедов, 2003]. Полученная в результате модель совпала в основных чертах с моделью Ибн Халдуна.

Характерно, что модель Ибн Халдуна, модифицированная на базе подобных построений применительно к историческим аграрным обществам, может быть использована и для изучения большинства современных афроазиатских обществ, сближающихся с первыми по принципиально важным показателям, прежде всего по демографическим. Так, тот же П.В. Турчин, модифицировав теорию Ибн Халдуна с помощью методов математического моделирования, предпринял попытку сделать прогноз развития современной Саудовской Аравии на основе анализа демографических и экономических

тенденций в жизни страны и пришел к выводу, что рост численности саудовской элиты и уровня ее расходов при сохранении нынешнего вектора развития должен через 1,5–2 десятилетия привести к финансовому и, скорее всего, к политическому коллапсу в Саудовской Аравии [Turchin, 2003].

Стоит оговориться, что помимо того, что концепция Ибн Халдуна была модифицирована Турчиным в достаточно высокой степени, так что, по словам А.В. Коротаева, в итоге от нее осталось не так уж и много, наряду с этим в модели Турчина было одно стратегически важное допущение – сохранение цен на нефть на уровне 2003 г. Резкий скачок нефтяных цен свел эффективность «ибн-халдуновских» моделей Турчина к нулю, однако сам опыт подобной актуализации наследия средневекового арабо-мусульманского не может не представлять существенного интереса.

Не менее примечательной, хотя и довольно рискованной, является научно-популярная по своему характеру попытка применить социологическую модель Ибн Халдуна для интерпретаций реалий политической жизни современной России, предпринятая Н.С. Розовым [Розов, 2007].

Совершенно очевидно, что назрела необходимость создания полного перевода *Муқаддимы* на русский язык, с учетом того пути, который проделало мировое халдуноведение. В последние годы на Западе за один год выходит около десятка монографий, посвященных Ибн Халдуну и его идеям. В мусульманских странах дело обстоит значительно хуже, российские же исследователи со времен издания упоминавшихся монографий С.М. Бациевой и А.А. Игнатенко обращались к наследию Ибн Халдуна лишь эпизодически. В данной публикации мы представляем нашу начальную попытку подойти к решению этой задачи.

Всякому начинающему работу с текстом *Муқаддимы* довольно быстро становится очевидной причина, по которой окончательного русского перевода до сих пор создать так и не удалось. В первую очередь, это специфика терминологического аппарата, которым оперирует Ибн Халдун. Терминология фактически изобретается им по ходу развития его собственной мысли. При этом часть терминов искусственно конструируется как неологизмы с опорой на внутреннюю логику арабского словообразования (например, *u'timār* в значении «хозяйство», «экономика»; ср. образованный по той же модели, но от другого корня *iktisād*, использующийся в том же значении в современном арабском языке). Другие же термины, имеющие в арабском языке определенную историю узуса, используются в новом, определяемом контекстом изложения значении (например, *'aṣabīyya*). Дискуссия о содержании ибн-халдуновской терминологии и способах ее передачи в европейских понятиях ведется с самого начала изучения наследия Ибн Халдуна на Западе. Последним вкладом в эту дискуссию явилась работа автора новейшего французского перевода *Муқаддимы* Абдессаляма Шеддади [Ibn Khaldûn, 2002; Cheddadi, 2005].

В целом в современном халдуноведении можно выделить два основных подхода к переводу терминологии *Муқаддимы*. Один из них связан с существующей в арабском историческом источниковедении и текстологии

традицией так называемого филологического перевода, главной задачей которого является передача особенностей текста в форме, максимально близкой к оригиналу, в том числе включая особенности его грамматико-синтаксической структуры. Такой подход зачастую приводит к нарочитой архаизации стиля самого перевода, когда особенности средневекового арабского языка передаются за счет использования устаревшей лексики и «архаизирующей» стилистики в языке перевода. Такой методе, в частности, следует Ф. Роузен-тал. С другой стороны, и это характерно для русских «филологических» переводов, такой перевод нередко превращается в подстрочник и тот же эффект аутентичности, который в западных переводах достигается с помощью упомянутой «архаизации», здесь создается заведомой лексической, синтаксической и стилистической «неудобоваримостью» языка перевода.

Существует и противоположная – «модернизирующая» тенденция, которая состоит в попытке передать терминологию Ибн Халдуна с помощью понятийного аппарата современной социологии и политэкономии. Так, например, следующий отрывок из *Мукаддимы*:

- اعلم أنه قد تقرر لك فيما سلف أن الدولة في أول أمرها لا بد لها من الرفق في ملكتها و الاعتدال في إيلاتها إما من الدين إن كانت الدعوة دينية أو من المكارمة و المحاسنة التي تقتضيها البداوة الطبيعية للدول و إذا كانت الملكة رفيقة محسنة انبسطت آمال الرعايا و انتشطوا لل عمران و أسبابه فتوفر و يكثر التناسل و إذا كان ذلك كله بالتدرج فإنما يظهر أثره بعد جيل أو جيلين في الأقل و في انقضاء الجيلين تشرف الدولة على نهاية عمرها الطبيعي فيكون حينئذ العمران في غاية الوفور و النماء و لا تقولن إنه قد مر لك أن أواخر الدولة يكون فيها الإجحاف بالرعايا و سوء الملكة فذلك صحيح و لا يعارض ما قلناه لأن الإجحاف و إن حدث حينئذ و قلت الجبايات فإنما يظهر أثره في تناقص العمران بعد حين من أجل التدرج في الأمور الطبيعية

(Ибн Халдун, 2004: 369-370)

выглядит в переводе А.В. Коротаяева следующим образом:

Знай, что ранее [нами] было установлено, что в начале [династийного цикла] династия с необходимостью осуществляет свою власть благоприятными [для населения мягкими добрыми] методами и ее правление – справедливо. Происходит это либо по причинам религиозного плана, либо из-за благородного и благожелательного отношения к другим, обусловленного бедуинскими началами, естественными для династий [в начале цикла]. Когда правитель доброжелателен и благодетелен, это вселяет в податное население надежду и стимулирует его экономическую активность и создает для нее необходимые условия; в результате наблюдается как экономический, так и демографический рост. Это происходит постепенно; результаты [данных процессов] становятся заметными как минимум после одного-двух поколений. К концу двух поколений дина-

ствия приближается к пределу естественного срока своего существования, к этому моменту экономический и демографический рост достигает своего максимального уровня. Сказанное не противоречит тому, о чем мы говорили выше, тому, что последние [годы династийного цикла] характеризуются несправедливым [управлением] податного населения и плохой администрацией. [Последнее] правильно, но не противоречит сказанному [в начале этого раздела], так как, хотя несправедливая администрация и наблюдается на этой фазе, а налоговые сборы уменьшаются, деструктивные последствия этого для экономики становятся заметными только через какое-то время, потому что соответствующие естественные процессы развиваются постепенно [Жоротаев, 2006, с. 76].

Справедливости ради надо сказать, что автор процитированного перевода вовсе не настаивает на его универсальности и в контексте его исследования такой перевод скорее служит доказательством совместимости идей Ибн Халдуна и современной социально-экономической мысли. В целом же представляется крайне сомнительным, чтобы такой подход мог быть использован для перевода всего памятника в целом.

Некоторым компромиссом мог бы послужить, если можно так выразиться, «объясняющий» подход, когда сложные термины, не имеющие объяснения, переводятся условно, исходя из контекста их употребления, или остаются без перевода, но поясняются в примечаниях. Именно так описывает свою переводческую методологию А. Шеддади [Cheddadi, 2005; см. также: Ibn Khaldûn, 2002]. Однако при всей привлекательности такого подхода, в нем заложена некоторая опасность детерминологизации и скатывания к пересказу, к тому же он некоторым образом разрушает переводимый текст, автор которого, собственно говоря, и разработывал терминологию именно для того, чтобы избежать постоянных многословных объяснений.

В нашем переводе фрагмента *Муқаддимы* решение подобных проблем, разумеется, не могло быть достигнуто в полной мере. Возможно, дальнейшая работа подскажет оптимальные ответы на ряд вопросов. На данном же этапе мы стремились совместить достижения всех известных нам переводческих подходов к интерпретации текста Ибн Халдуна, сохраняя по возможности филологическую точность не в ущерб литературным нормам русского языка и вместе с тем не злоупотребляя ни архаизацией, ни модернизацией стиля. Перевод публикуемого фрагмента выполнен по каирскому изданию текста [Ибн Халдун, 2004] с учетом переводов Ф. Роузентала и С.М. Бациевой. По этому же изданию указываются и страницы оригинального текста. К сожалению, подготовленный С.М. Бациевой перевод *Муқаддимы* в большей его части так и не увидел свет при ее жизни и едва ли будет издан и теперь. Поэтому авторы публикуемого здесь перевода выражают надежду, что этот скромный труд (а перед читателем сегодня лишь некоторые предварительные его результаты) может стать данью памяти Светланы Михайловны – автора единственного на русском языке фундаментального исследования *Муқаддимы*.

АБŪ-Л-ВАЛІД ‘АБД АР-РАḤМĀН ИБН МУḤАММАД
ИБН ḤАЛДŪН
ВВЕДЕНИЕ В ИСТОРИЮ (АЛ-МУḤАДДИМА)

Книга первая

Из истории выдающегося ученого Ибн Ḥалдūна
Фрагменты

Перевод с арабского, комментарии и примечания
И.Л. Алексеева, А.В. Душак и А.Ш. Столыпинской

С. 11 // Во имя Бога, Всемилостивого и Милосердного.

Рассказывает раб Божий, нуждающийся в милости Господа, богатого добротой Своей, ‘Абд ар-Раḥмāн ибн Муḥаммад ибн Ḥалдūн ал-Ḥадрамй, да поможет ему Всевышний.

Хвала Господу, у Которого слава и могущество. У Него – царство земное и царство небесное, прекрасные имена и атрибуты. [Господь] всезнающ, и не ускользает от Него ни то, что выявляет тайная беседа, ни то, что скрывает молчание. [Господь] всемогущ, и ничто на земле и на небесах не сделает Его бессильным и не скроется от Него. Он создал нас из земли с человеческой душой и расселил на ней племенами (*аджйāl*) и народами (*умам*). Он облегчил нам [жизнь], [даровал] средства к существованию и пропитание. Лоно наших матерей и дома ограждают нас, пища – поддерживает, дни и время – изнашивают. И каждому из нас предназначен смертный час. У Него же вечность и твердость. Он живет и [никогда] не умирает. Да пребудет мир и благословение Господа над господином нашим и покровителем Мухаммадом, арабским пророком, предсказанным Торой и Евангелием и описанным ими, ради которого этот мир рождался в муках до того, как субботу сменило воскресенье и Сатурн отделился от ал-Бахмута¹,

С.12 // а голубь и паук засвидетельствовали его правдивость. Да пребудет благословение Господа и мир над его семьей и сподвижниками, которые в своей приверженности (*маḥабба*) [Пророку] обрели большое влияние и славу. Поддержав его, они объединили всех, в то время как их враги были разрознены. Да благословит Аллах и приветствует Мухаммада и его сподвижников, связав с исламом их удачу и разрезав пути безбожия.

История – одна из тех наук, которые передают друг другу племена (*ал-аджйāl*) и народы (*ал-умам*), стремится к ней всякий: и конный, и пеший; ищет ее знаний базарный люд и простонародье, состязаются в этом [искусстве] цари и вожди, она одинаково понятна ученым и невеждам.

1 | *Ал-Бахмūt* – в арабской экстракоранической традиции рыба или кит (*ḫūt*), на спине которого расстилается земля, относится к так называемым *иср’илийāt* – иудейским мотивам околобиблейского круга и соответствует библейскому Бегемоту (Иов 40:10-15). В коранической экзегетике (*тафсīр*) идентифицируется с рыбой *Нун*, во чреве которой пребывал пророк Иона (Йūнус) [Коран 68:1, 48-50] и контаминируется с ветхозаветным Левиафаном (Иов 20-27, Пс. 73:14, Исайя 27:1) [см.: Rosenthal, 1958, p. 4].

Внешняя сторона истории такова, что она есть не более чем сообщение о событиях, династиях, о случившемся в далекие времена, украшенное словами и поговорками. Она занимает переполненные собрания [людей], сообщает нам о делах всего тварного, об изменениях его состояний, о расширениях границ и территорий [владений] династий, о том, как люди заселяли землю, пока не охватывало их стремление покинуть ее или не настигала смерть.

Внутренняя сущность истории – в рассуждении и исследовании, в тонком объяснении причин всего сущего и его основ, в глубоком изучении образа свершения событий и их причин. Именно поэтому история коренится в философии и достойна считаться одной из ее наук.

Выдающиеся исламские историки, такие как Абу [Джа'фар Мухаммад б.] Джарир ат-Табари, Мухаммад б. Йахйя и Мухаммад б. Са'д², накопили и объединили исторические сведения, записав их в книгах. Однако [позже] историей занялись люди, выдававшие себя за ее знатоков. [Все] переиначив, они смешали ее с интригами и ложью, украсили неправдоподобными легендами. Выдумав [историю], они записали ее. Многие из их последователей пошли тем же путем: они передали нам историю такой, какой ее услышали. Они не отслеживали и не учитывали причин событий и состояний (*ахвал*), не очищали рассказы от фальши и не отвергали ее. Поэтому [в таких трудах] мало исследования,

С.13 // а ум [критика] по большей части недостаточно пытлив. Ошибки и заблуждения свойственны [таким] рассказам (*ахбар*), слепое подражание [также] глубоко укоренилось среди людей, повсеместно существуют те, которые, занимаясь науками, берутся не за свое дело, а невежество опасно и пагубно для людей. Власть истины неоспорима, а против зла всего ложного есть метеор рассуждения. Передатчик просто диктует и пересказывает, разум же при рассмотрении отбирает правдивое, а знание, шлифуя, доводит его до совершенства.

Люди заносили в летописи истории народов и династий, приумножали, собирали и записывали их. Но тех, что руководствовались честностью и прославились, и водрузили на место трудов своих предшественников свои

2 | Абу Джа'фар Мухаммад б. Джарир ат-Табари (224-5/839 – 310/923) – выдающийся арабо-мусульманский историк, хадисовед (*мухаддис*) и комментатор (*муфассир*) Корана, основоположник жанра историографии в системе традиционного исламского знания, создатель универсального исторического нарратива, изложенного им в его многотомном сочинении, названном по скромности автора «Краткая история пророков, царей и халифов» (*Мухтасар та'рих ар-русул ва-л-мулк ва-л-хулафа'*). В этом труде, часто называемом просто «История» он рисует картину всемирной истории от сотворения мира до 202 г.х./915 г.н.э., основываясь на устном историческом предании арабов (*ахбар*), а также используя арабскую версию персидской «Книги царей». Отличительной чертой методологии ат-Табари было стремление в максимальной степени письменно зафиксировать устные исторические предания и систематизировать их по передатчикам, также как и собственно *хадисы* – предания о деяниях основателя ислама. При этом характерно, что ат-Табари сознательно отказывался от анализа содержания этих преданий на предмет достоверности, что и пытается в своем труде преодолеть Ибн Халдун. Труд ат-Табари более чем на пять столетий вперед определил парадигму развития арабского исторического знания и задал каноны средневековой арбо-мусульманской историографии. [подробней о нем см.: Bosworth, 2003].

Абу 'Абд Аллах Мухаммад б. Са'д б. Мани' ал-Басри ал-Хашими (ок. 168/784 – 230/845) – историк и хадисовед, один из первых систематизаторов хадисов. Был секретарем у другого известнейшего собирателя хадисов и *сйры* ал-Вакиди (см. след. прим.). В его наиболее известном сочинении «Большая классификация» (*Kitāb at-ṭabaqāt al-kabīr*) приводится информация о более чем 4000 передатчиках хадисов, что делает ее одним из важнейших источников для мусульманских жизнеописаний Пророка (*сйра*), а также для хадисоведческой традиции [Fück 2003].

собственные, более поздние, немного. Их число не превышает число пальцев рук и число падежных огласовок*. Это, например, Ибн Исхак, ат-Табари, Ибн ал-Калби, Мухаммад б. 'Умар ал-Вакиди, Сайф б. 'Умар ал-Усаййиди, ал-Мас'уди³ и другие известные личности, выделяющиеся из общего ряда. В работах ал-Мас'уди и ал-Вакиди имелись слабые места и недостатки, и это было убедительно доказано и известно в среде авторитетов и стражей наук. Однако все особенно выделяли эти труды, черпая из них факты, подражая манере этих [людей] в своих произведениях. Поэтому пронизательный критик взвешивает в том, что они передали, поддельное и заслуживающее доверия. Ведь цивилизация ('*умрān*) в [различных] его состояниях обладает природными свойствами, с которыми могут быть соотнесены факты и к которым могут быть приписаны рассказы и предания. Затем в большинстве своих сочинений эти [авторы] исходили все дороги и пути истории первых двух раннеисламских династий⁴ и достигли огромных высот как в том, что использовали [определенные] источники, так и в том, что некоторые обходили молчанием. К ним относится ал-Мас'уди и те, кто шел в его направлении. Ими была [полностью] составлена доисламская история династий и племен и воссоздана общая картина доисламских событий.

С. 14 // Последующие историки стали отказываться от обобщенности в пользу [большой] ограниченности [повествования], они перестали заниматься далекими общими вопросами, ограничившись редкостями своего века. Они писали историю своего времени и своей земли, довольствуясь только своей династией и своим городом. Так поступал Абу Хаййан⁵, историк Андалусии и андалусских Омеййадов, а также Ибн ар-Ракик⁶, историк Ифрикийи и Кайруанских династий.

На смену им пришли лишь не развитые умом и по природе своей подражатели, глупцы, слепо идущие чужим путем. Они забыли, что время изменило

* в арабском письме насчитывается три падежных огласовки, дающих, в совокупности, в определенном и неопределенном состоянии шесть словоформ

3 | Мухаммад б. Исхāк б. Йасār б. Хййār (ок. 85/704 – 150/767) – автор наиболее ранней и наиболее известной биографии (*сйра*) Пророка Мухаммада, дошедшей до нас в редакции Ибн Хишама. [см.: Jones, 2003; Watt, 1961; Уотт, 2006, с. 8; Пиотровский, 1994, с. 9-11].

Хишām б. Мухаммад Ибн ал-Калбй (ок. 119/737 – 203/819) – автор «Книги идолов» (*Китāб ал-ақнām*), которая является основным источником по доисламской религии арабов [Atallah, 2003].

Мухаммад б. 'Умар ал-Вāкидй (130/747-8 – 207/822) – биограф Мухаммада, *фақйх* и историк раннего ислама. Большая часть переданных им исторических сообщений (*ахбār*) сохранилась в виде цитат у последующих историков.

Сайф б. 'Умар ал-Усаййидй (или ал-Асадй) – собиратель исторических преданий раннеисламской эпохи. Сведений о его жизни практически нет, предполагается, что он умер во времена правления Харуна ар-Рашида (170/786 – 193/809). Его «Большая книга о завоеваниях и войнах с вероотступниками» (*Китāб ал-футуḫ ал-кабйр ва-р-ридда*) стала основным источником по ранним арабским завоеваниям и войнам *ридды* для ат-Табари в его «Истории пророков и царей» [Donner, 2003].

Абū-л-Ḥасан 'Али б. ал-Ḥусайн ал-Мас'удй (ум. 345/956) – крупнейший арабо-мусульманский историк и географ эпохи Аббасидов. Его главное сочинение *Мурūdдж аз-захаб ва ма'āдин ал-джаухар* («Золотые копи и россыпи самоцветов») являет собой одну из вершин средневековой арабской историографии [см.: Мас'уди, 1958, 1973; Мас'уди, 2002; Миккульский, 2002; Pellat, 2003].

4 | Династии Омеййадов (661–750) и Аббасидов (750–1258)

5 | Ошибка издателя, имеется в виду Абū Марвāн Хаййāн б. Халаф б. Ḥусайн Ибн Хаййāн (377/987-8 – 469/1076) – крупнейший историк мусульманской Испании.

6 | Абū Исхāк Ибрāхйм б. ал-Қасим Ибн ар-Рақйк (ум. после 418/1027-28) – хронист зиридских правителей Ифрикии (арабское название территории бывшей римской провинции Африка), автор *Та'риḫ ал-Мағриб ва-л-Ифрйқйа* («История Магриба и Ифрикии»), ставшей источником для многих позднейших историков от Ибн ал-Асира (ум. 630/1233) до самого Ибн Халдуна и ал-Макризи (ум. 846/1442-3).

состояния, [а также] обычаи народов (*ал-умам*) и племен (*ал-аджйāl*). Они собирали сведения о династиях, рассказы о событиях первых веков, лишены своей сущности (*мавāдд*), будто мечи, вынутые из ножен. Знание, которое из-за глупости не признает ни старого, ни нового, это словно рассказы без начала, словно вид, не соотносимый с каким-либо родом и не делящийся на подвиды. Повторяя в своих сюжетах (*маудū'āt*) истории (*ахбār*), составлявшие предмет их интереса, они просто шли вслед за своими предшественниками, занимавшимися ими ранее. И потому в своих летописях упускали из вида дела молодых народов. А поскольку им не хватало толкователей (*мутарджимйн*), их страницы становились малопонятными.

После, упоминая какую-либо династию, они просто нанизывали факты, будто жемчужины на нить, заботясь лишь о том, чтобы передать их, будь они выдумкой или правдой. Они не обращаются к истокам, не упоминают причин, побудивших их к рассказу и ставших их знамением, равно как не говорят и о причинах, по которым они прекратили [рассказ], достигнув цели. Наблюдающему (*нāзир*) остается жадно всматриваться в основания [различных] состояний и их степени, отыскивать причины, почему эти состояния теснили и сменяли друг друга, искать убедительное [объяснение] их различий и связи, чем мы и займемся во введении к этой книге.

С. 15 // После были другие, не в меру сокращавшие [историю]. Они дошли до того, что довольствовались [перечислением] имен царей без генеалогии и истории, расставляя над [этими именами] число дней правления арабскими цифрами. <...>

Прочитав книги [этих людей] и узнав глубину прошлого и настоящего, я поспешил вырваться из плена глупости и безразличия и воздвиг собственное сочинение <...> и создал книгу по истории. В ней я снял покров с состояний (*ахвāl*), возникающих среди народов. Я изложил в ней факты (*ахбār*) и оценки (*и'тибār*) и разделил ее на главы. Я показал, почему и каким образом возникали династии и цивилизации. [Свою книгу] я построил на истории двух народов, заселивших когда-то Магриб и заполонивших все его области и города, [я изложил историю] их династий, как тех, что правили продолжительно, так и тех, чей срок был короток, а также предшествующую [историю] царей и их союзников (*ансār*). Эти два народа – арабы и берберы, чьим пристанищем Магриб стал столь много веков назад, что сейчас едва ли можно представить здесь кого-либо другого из представителей рода человеческого. Я многое исправил и представил [свой труд] на суд ученых и знати. Я применил необычный метод в упорядочении книги, разбив ее на главы. Создавая ее, я шел новым изумительным путем. Я дал толкование состояниям цивилизации (*'умрāн*), городского образа жизни (*тамаддун*) и другим сущностным проявлениям (*а'рād*) человеческой социальности (*иджтимā'*). [Я истолковал] первопричины и истоки новых событий, что доставит тебе удовольствие, и показал, как появлялись династии. И ты очистишься от слепого следования традиции и узнаешь о состояниях времен (*аййām*) и племен (*аджйāl*), что были до тебя и будут после тебя.

<...> После я отправился в путешествие на Восток с тем, чтобы увидеть его свет, совершить обход вокруг Каабы и посетить Медину, а также с тем, чтобы по летописям (*давѣйн*) и книгам (*асф̄ār*) изучить его историю. И я отыскал не достававшие [мне] сведения о персидских правителях тех мест и о тюркских династиях с областями, которыми они правили, и дополнил этими сведениями написанное ранее. Я также добавил к этому упоминание современных этим народам (персам и туркам) соседних племен и правителей городов и областей. Я шел по пути сокращения [повествования] и изложения сути, жертвуя легкодостижимой целью ради туманной, отталкивался от общих причин и приходил к частным сообщениям. В результате я составил исчерпывающую историю человечества, укротил непокорную мудрость, изложил историю династий, руководствуясь категориями причинности и, мой труд стал в конце концов вместилищем философии (*хикма*) и хранилищем истории.

Поскольку [мой труд] включил в себя историю арабов и берберов, как городских жителей (*ахл ал-хадар*), так и сельских (*ахл ал-бадв*), а также историю современных им великих династий, и с помощью поучительных примеров пояснил, с чего они начали и как обстояли их дела потом (*мубтада' ал-ахвāl ва ма ба'да-ху мин ал-хабар*), я назвал его **«Книгой поучительных примеров о том, как начали и чем кончили арабы, персы, берберы и современные им великие правители»**⁷.

Я изложил абсолютно все касательно ранней истории родов (*аджйāl*) и династий и современных им народов (*умм*), касательно причин смены прежних общин другими и изменений, происходивших в их среде в прошлые века. [Я не оставил без внимания ничего] в рассказе о династиях и общинах, о городах и деревнях, о славе и позоре, о многочисленном и малом, о науках и ремеслах, о приобретениях и потерях, о меняющихся и общих состояниях (*ахвāl*), о сельском (*бадв*) и городском (*хадар*) образе жизни, о настоящем и грядущем. Таким образом, собрав все воедино, я представил очевидные доводы и дал пояснение причинам этого. Эта книга стала единственной в своем роде, поскольку я положил в ее основу неизвестные [ранее] знания, близкую, но скрытую мудрость. После всего признаю, что людям нашего века не хватает пытливости в вопросах подобного рода и потому желаю, чтобы ученые мужи, обладающие самыми широкими познаниями, смотрели бы на все кри-

7 | *Kitāb al-'ibar wa dīwān al-mubtada' wa-l-ḥabar min ayyām al-'arab wa-l-'adḡam wa-l-barbar wa man 'āṣara-hum min zawī as-sultān al-aqbar*. Точный перевод данного названия, в особенности выражения *dīwān al-mubtada' wa-l-ḥabar*, всегда вызывал разнообразные предложения исследователей. Библиографию западной дискуссии см.: [Rosenthal 1958, p. 12]. В отечественной традиции мы имеем две версии: «сборник начала и сообщений» (Бациева) и «диван поучительных примеров» (Игнатенко). На наш взгляд, и тот и другой вариант одинаково неточны, хотя версия А.А. Игнатенко более осмысленна, т.к. значение выражения «сборник начала и сообщений» неясно. Тем не менее оба переводчика, кажется, игнорируют замечание, выдвинутое еще Ф. Роузенталом, который обратил внимание на предыдущую фразу Ибн Халдуна и, исходя из этого контекста, предложил вариант *Archive of Early and Subsequent History*. Соглашаясь в целом с этой трактовкой, мы, со своей стороны, можем заметить, что грамматические термины *mubtada'* и *ḥabar*, обозначающие соответственно, тему и рему, подлежащее и сказуемое именного предложения, не только соотносятся с началом и концом события, как указывает Роузентал [там же], но и семантически коррелируют с такими парными категориями как «неизвестное» и «известное», «данное» и «требуемое», «условие» и «результат», наконец – «сообщение» и «сообщаемое». Таким образом, представляется, что Ибн Халдун, употребляя выражение *al-mubtada' wa-l-ḥabar*, стремился выразить мысль о том, что он излагает исторические события в их развитии, и именно это развитие и является предметом его интереса. Такая трактовка, помимо прочего, подтверждается не только ближайшим контекстом, но и содержанием памятника в целом.

тически, а не самодовольно, исправляли бы то, с чем сталкиваются, а не снисходительно закрывали бы на это глаза, отчего, собственно, и случается, что товар таких ученых не может соперничать. Признание [справедливого] упрека – спасение, но и одобрение товарищей также желанно. И потому я прошу Господа обратить наше дело в русло искренности и чистоты перед Его святым ликом. Господь для меня лучший поручитель. <...>

С. 21 // О пользе науки истории, о применении ее методов, [а также] указание на ошибки и заблуждения историков и кое-что о причинах всего этого

История – это наука, великая с точки зрения пути, [которым она идет], несущая огромную пользу и имеющая благородную цель. Поскольку она знакомит нас с состояниями ушедших народов через их нравы, с пророками – посредством описания их жизни, а также с династиями царей и их политикой, то для желающего извлечь пользу из следования [историческим] примерам в делах веры (*д̣ин*) и земной жизни (*дунйā*) необходимы многочисленные источники и разнообразные знания, а также способность к рассуждению и основательность, которые и приведут обладателя этих двух качеств к истине и уберегут от ошибок и заблуждений. Если же, имея дело с историческими преданиями, просто опираться на переданные факты, не руководствуясь истоками [тех или иных обычаев], основами политики, [понятиями] природы цивилизации и состояний человеческого общества, не сопоставлять скрытое и явное, настоящее и уходящее, вы непременно оступитесь и свернете с пути истины: многие историки, комментаторы Корана и передатчики уже допустили ошибки в своих рассказах, опираясь на простую передачу сведений, будь они правдивыми или ложными, не обращаясь к их истокам, не сопоставляя схожие [случаи] и не применяя к ним мерил мудрости. Наконец, они не имели понятия о природе вещей, не избирали себе в правители рассуждение (*назр*) и умозрение (*баʿйра*). Потому-то они и сошли с правильного пути, скитаясь [впоследствии] по пустыне заблуждений и ошибок. Особенно это касается подсчета имущества и войск, встречающегося в тех или иных рассказах.

С. 22 // А поскольку рассказ, подобный этим, – источник лжи или попросту выючное животное для пустой болтовни, его следует отсылать к истокам и основам.

Например, ал-Масʿуди и многие историки передавали рассказ о том, как Муса, мир ему, сосчитал в Синайской пустыне войско израильтян. После того как он позволил всем мужчинам, стоявшим станом, старше двадцати лет носить оружие, их оказалось 600 тысяч или больше. Здесь ал-Масʿуди забывает о размерах Египта и Сирии и о том, смогут ли они вместить такое число солдат, потому что любое государство вмещает и содержит определенное количество солдат, но не больше. Тому свидетельства – обычная практика и известные примеры.

Между армиями таких размеров вряд ли может состояться наступление или же битва просто потому, что им будет тесно. Более того, если войско

превышает пределы видимости в два, три или более раз, то каким образом такие армии могут сражаться друг с другом, каким образом одна из сторон может одержать победу, в то время как часть ее отрядов не чувствует другую? Происходящее в настоящем – тому свидетельство, да и случаи из прошлого похожи на то, о чем я говорю, больше, чем одна капля воды на другую.

<...>

Подтверждение этому – победа, которую одержал над ними Навуходоносор. Он поглотил их страну и захватил власть,

С. 23 // разрушил Иерусалим, их религиозный и политический центр. А он был только одним из правителей Персидского царства. Говорят, он был правителем у западной границы [Персии], провинции которой – два Ирака⁸, Хорасан, Мавераннахр, Дербент – намного пространнее израильских земель. Но вместе с тем армии персов даже близко не так велики. Они были наиболее многочисленны в ал-Кадисийи: сто двадцать тысяч человек, и все в сопровождении слуг, согласно Сайфу⁹, который передавал, что только в услужении находились двести тысяч человек. Согласно 'А'ише и аз-Зухри, Рустам¹⁰ двинул на Са'да при ал-Кадисийе шестьдесят тысяч, не считая прислуги.

Если бы численность войск израильтян достигла такой цифры, область их владений расширилась бы, государство стало бы более пространным. Это потому, что размеры провинций и владений в составе государств имеют прямое отношение к численности гарнизонов и сторонников [династии], что будет разъяснено нами в разделе об административных единицах (*мамāлик*) Книги первой. Сегодня, как известно, владения [израильтян] ограничиваются Иорданом и Палестиной в Сирии, Йасрибом и Хайбаром в Хиджазе.

<...>

Современники династий, пускаясь в рассуждения об их армиях, о войсках мусульман или христиан, в подсчет собранных налогов, расходов правителя и тех, кто живет в роскоши, товаров, что имеют в запасе богатые, часто преувеличивают, переходя границы привычного, и предаются страсти к небылицам. Если правителей спросить об их армиях, выяснить, в каком состоянии находятся товары и доходы богатых, разузнать о тратах живущих в роскоши, мы не найдем и десятой части того, что насчитывают [современники]. Все это из-за склонности души к выдумкам и той легкости, с которой она завышает [цифры] и пренебрегает критиками до такой степени, что не дает себе отчета в ошибке и умысле, не стремится к умеренности и справедливости в предании, не обращается к исследованию и поиску, дает волю фантазии и плодит вымысел. «Среди людей есть и тот, кто покупает забавную историю, чтобы сбить с пути Аллаха без всякого знания и обращает это в забаву»¹¹. Они выдумывают увеселительные рассказы, чтобы сбить [людей] с пути истинного. Считаться с ними – себе во вред.

8 | Месопотамия (*Ирак Арабский*) и прилегающие к ней территории северо-западной Персии (*Ирак Персидский*).

9 | Сайф б. 'Умар (см. прим. 5.)

10 | Рустам б. Фаррӯх Хурмузд – персидский военачальник. Командовал сасанидской армией в битве с арабами при Кадисийе, где и погиб.

11 | Коран 31: 5(6)

Неправдивыми являются и сообщения тех историков, которые передают о *таб̄би'а*¹² Йемена и Аравии, что те совершали набеги из Йемена на Ифрикийю¹³ и на берберов в Магрибе, и о том, что Ифриқ̄ш (Ифриқ̄ш) б. Кайс б. Сайфи¹⁴ был одним из их первых и величайших правителей и жил во времена Мусы, мир ему, или немного ранее. Он завоевал Ифрикийю и учинил резню среди берберов. Это он дал им название, услышав их наречие и спросив: «Что такое *барабара*?». С тех пор и закрепилось за ними это имя. Покидая Магриб, Ифриқ̄ш б. Кайс б. Сайфи поселил там племена химйаритов, которые затем обосновались и смешались с коренным населением. От них пошли санхаджа¹⁵ и кутама¹⁶. Из вышесказанного ат-Табари, Ибн ал-Калби... и [другие историки] вывели, что санхаджа и кутама происходят от химйаритов. Знатоки берберских генеалогий это отрицают. И правильно.

Ал-Мас'уди передает также, что Зӯ ал-Из'ар, один из последователей Ифрикуша, живший во времена Сулаймана, мир ему, завоевал и покорил Магриб. То же самое ал-Мас'уди передает и о его сыне и преемнике Йасире: буд-то он достиг Песчаной реки¹⁷ в Магрибе, но не нашел перехода через нее из-за множества песка и потому вернулся. Подобное говорят и о другом *тубба'*, Ас'аде Абу Карибе, что жил во времена персидского царя из Каййанидов Йа-стасба, правителя Мосула и Азарбайджана. Он встретил тюрков, победил и жестоко расправился с ними. Затем он напал на них снова, во второй и в третий раз. После этого он послал трех своих сыновей на завоевание Персии, Согда, одного из народов Мавераннахра и в Византию. Первый сын завоевал земли до Самарканда, пересек пустыню вплоть до Китая и нашел там своего брата, который, овладев землями Согда, опередил его. Вдвоем они учинили в Китае страшные расправы и вернулись с добычей, оставив в Тибете племена химйаритов, которые живут там и поныне. Третий брат достиг Константинополя, осадил его и покорил Византию, а затем возвратился.

Все эти сообщения далеки от истины, глубоко ошибочны и безосновательны. Они походят на выдуманные истории рассказчиков. Владения *таб̄би'а* ограничивались Аравийским полуостровом. Они жили и правили в Сане в Йемене. Аравийский полуостров с трех сторон окружен морями: с юга – Индийским, с востока – вытекающим из него Персидским, до самой Басры, на западе, до Суэца – Красным, что берет начало в Индийском. Все это можно увидеть на географических картах. Из Йемена в Магриб нет иного пути, кроме как через Суэц. Переход между Красным и Сирийским морем

12 | Ед.ч. – *тубба'* – династический титул йеменских царей, которые в конце III – начале IV в. контролировали юго-западную Аравию [Beeston, 2003].

13 | Историческая область на севере Африке, соответствующая римской провинции Африка. Охватывает территории вдоль средиземноморского побережья современной Ливии и Туниса.

14 | В арабской исторической традиции легендарный завоеватель Африки южноаравийского происхождения.

15 | Группа берберских племен, игравших значительную роль в Северной Африке в IV-X вв. Берберы называли их одним из семи великих племен, ведущих свое происхождение от Берса, сына Бера; арабы же утверждали, что они вместе с племенем кутама были посланы царем Ифрикушем в Магриб из Йемена [La Veronne, 2003].

16 | Кутама (кетам) – крупное берберское племя. С приходом ислама в Северную Африку кутама стали контролировать регион вокруг Константины.

17 | Вади ар-Рамл.

занимает два дня пути или менее. Невероятно, чтобы великий правитель с многочисленными армиями совершил такой переход через неподконтрольные ему территории. Обычно это невозможно. На этих землях были Амалекиты и Ханаанеяне в Сирии, Копты¹⁸ в Египте. Затем Амалекиты овладели Египтом, а израильтяне Сирией. Однако ничего не известно о том, чтобы *таб̄би'а* совершали завоевания этих народов или владели какими-нибудь из этих земель.

К тому же расстояние между Йеменом и Магрибом велико, а провианта и фуража для армии нужно много. Поэтому, если [армия] проходит по чужим территориям, то для удовлетворения своих нужд она вынуждена уничтожать посевы и скот, грабить лежащие на ее пути государства. А этого, как правило, бывает недостаточно для обеспечения ее провиантом и фуражом. Если же они запасутся всем этим в своих землях, то им не хватит верблюдиц для перевозки груза. Необходимо, чтобы на их пути лежали только подвластные им территории, способные обеспечить их пропитанием. Если мы предположим, что армии пересекли эти территории, никак не потревожив их и получая пропитание мирным путем, это будет ошибочно и совершенно неправдоподобно. Это указывает на то, что сообщения [о *таб̄би'а*] неправдивы и выдуманы.

Что касается непреодолимого Песчаного вади, о нем в Магрибе и не слыхивали, несмотря на то, что его много раз переходили, по его дорогам следовали путешественники и завоеватели во все времена и во всех направлениях. То, о чем рассказывают – необычно, потому и возрастает желание передать это.

По поводу завоеваний [*таб̄би'а*] на востоке и в землях турок [нужно заметить], что переход здесь просторнее, чем дорога через Суэц, однако он длиннее и на пути лежат персидские и византийские земли. Не существует никаких упоминаний о том, чтобы *таб̄би'а* завоевывали земли персов или византийцев. Они воевали с персами на границе с Ираком, на территории между ал-Бахрайном¹⁹ и ал-Хирой²⁰, в ал-Джазире между Тигром и Евфратом и на общих для них территориях. Эти войны вел *тубба'* Зу-л-Из'ар с каййанидским царем Кайкаусом, *тубба'* ал-Асхар Абу Кариб²¹ с каййанидским царем Йастасбом, с правителями, наследовавшими Каййанидам и с Сасанидами. И вряд ли они смогли бы пересечь персидские территории на пути к завоеванию турок и Тибета. Обычно это невозможно по причине того, что на пути встречаются другие народы, из-за потребности в провианте и фураже, а также из-за упомянутого ранее большого расстояния. Сообщения об этом неправдивы и фальшивы. Даже если передатчики надежные, есть причины для сомнений, потому как [сообщения] были преданы не должным образом.

18 | Имеются в виду династии фараонов Древнего Египта.

19 | Под этим названием подразумевается не только острова современного Бахрейна, но и территории северо-западного побережья Персидского залива.

20 | Столица подконтрольного Персии Лахмидского буферного государства.

21 | Абу Кариб ал-Асхар и упомянутый выше Абу Кариб ал-Ас'ад, по-видимости, одно лицо.

Ибн Исхак передает, что последний *тубба'* передвигался на восток, наступая на Ирак и Персию. Однако то что касается завоеваний йеменскими царями тюркских территорий и Тибета, не подтверждается обоснованными доводами. Не следует верить [сообщениям] на этот счет, следует рассматривать и представлять их посредством соответствующих правил, которые позволят внести поправки наилучшим образом. Господь ведет нас к истине.

<...>

С. 47 // Историк должен учитывать основы политики, естественные качества (*табā'u*) всего сущего, различия между народами, местностями и эпохами в том, что касается нравов, обычаев, религиозных толков и школ и других состояний (*ахвāl*). Он должен также владеть современной ситуацией в этих областях, сравнивать настоящее с прошедшим, выявляя сходства или степень различия и объяснять причины этого. [Историку должны быть известны] происхождение и условия возникновения династий и религиозных общин, мотивы и причины, вызвавшие их к жизни, а также рассказы об их сторонниках. В конечном итоге он должен выяснить причины каждого события, узнать происхождение каждой истории. Затем необходимо проверить переданные сообщения с помощью известных ему законов и правил. Если предание им соответствует, оно истинно, если нет – нужно от него отказаться.

Только поэтому древние историки признавали эту науку, да так, что ей себя посвятили ат-Табари, ал-Бухари, а еще до них – Ибн Исхак и другие ученые мусульманской уммы. Но многие забыли ее секрет, и она стала глупым занятием. Простолюдины, не обладавшие прочными знаниями, легко смотрели на исследование и знание истории, на ее глубокое изучение и как на способ заработать. Пасущиеся без присмотра перемешались со стадом, зерна с шелухой, правдивый с лжецом. Но исход всех дел – за Господом.

Одна из ошибок в истории кроется в пренебрежении к тому, что с переменной эпох и течением дней меняются состояния народов и поколений. Этот болезненный недуг тщательно скрыт, а потому не проявляется долгое время и открывается только единицам. Состояние мира, народов, обычаев, религиозных общин не всегда остается одинаковым и неизменным: дни и эпохи сменяются, состояния различаются. То же касается людей, времен, городов, территорий и местностей, эпох и династий. «Но не помогла им их вера, когда они увидели Нашу мощь, по установлению Аллаха, которое свершилось над Его рабами»²².

<...>

С. 48 // Широко известная причина изменений состояний и обычаев заключается в том, что обычаи всего народа (*джйл*) зависят от обычаев правителя. Пословица гласит: «Закон (*дйн*) людей – это закон их царя». Если претендующим на власть и господство удавалось овладеть правящей династией и захватить власть, то они непременно прибегали к обычаям своих предшественников и усваивали многие из них, не забывая при этом обычаев своего рода. Поэтому в [основу новой] династии ложится противоречивое сочетание обычаев

рода и предыдущей династии. Если же приходила новая династия, то обычаи вновь смешивались, и некоторые моменты опять оказывались противоречащими друг другу. При этом разница между первой и [последней] – еще больше. Различия все усиливались, приводя в итоге к еще большим контрастам. Пока продолжается эта преемственность между народами и поколениями и действующими правителями, будут сохраняться и противоречия в обычаях и состояниях. Суждение по аналогии и подражание – известное свойство человеческой природы. Но аналогия и подражание тоже подвержены ошибкам. Вкупе с рассеянностью и небрежностью они препятствуют достижению желаемого, отклоняют от цели. Даже тот, кто знает много преданий прошлого, может не осознать изменений, которые постигли эти состояния. Долго не раздумывая, он начинает судить о них, основываясь на том, что уже знает, и применять к ним мерки того, что видел сам. Однако разница между [прошлым и настоящим] слишком велика, и это повергает его в бездну ошибок.

С. 49// В этом отношении показательно то, что историки передают о состояниях ал-Хадждаджа²³. Говорят, его отец был учителем. В наше время преподавание – это одно из ремесел, которые обеспечивают средства к существованию, далекое от ‘*аҗабиййи*. Учитель слаб, несчастен и лишен корней. Многие слабые ремесленники стремятся к получению должностей, которые им не подходят, но достичь которых они считают возможным. Их сбивают с пути искушения, веревка в руках рвется, и они скатываются в пропасть, где их ждет погибель. Они не понимают, что для них это недостижимо, что они – ремесленники, зарабатывающие на хлеб насущный, что в начале эпохи ислама, во времена двух династий²⁴ преподавание представляло собой нечто иное. Знание не было ремеслом. Знание служило передачей того, что слышали от Законодателя²⁵, обучением еще неизвестным религиозным нормам путем устного предания. Только люди знатного происхождения, связанные ‘*аҗабиййей* с [правлящей династией], ведавшие делами общины, становились теми, кто обучал Писанию и Сунне Пророка, да благословит его Аллах и приветствует, в форме передачи традиции, а не обучения ремесленным навыкам. Ниспосланное Пророку, который был одним из них, Писание вело их по правильному пути. Ислам был религией, ради которой они шли в бой и умирали. Он выделял их среди других народов и наделял достоинством. Они стремились довести его до общины, сделать понятным [для людей]. Их не удерживало ни вызванное гордостью осуждение, ни высокомерные упреки.

Свидетельством тому то, что Пророк, да благословит его Аллах и приветствует, посылал величайших своих сподвижников с миссией к арабам,

23 | ал-Хадждадж б. Йусуф (ок. 41/661 – 95/714), омейядский наместник Ирака. Известен жестокими репрессиями против хариджитов и шиитов. Вместе с тем ал-Хадждадж внес существенный вклад в экономическую стабилизацию в Ираке в ходе реформ Абд ал-Малика, восстановив, хоть и крайне авторитарными способами, порядок в сельском хозяйстве и финансовой сфере. В исторической памяти, отложившейся средневековой арабской назидательной литературе (*адаб*) образ ал-Хадждаджа противоречив. С одной стороны, он является метафорой жесткости и жестокости правителя, грубые черты характера которого приобретают известную трагичность, с другой стороны, ал-Хадждадж – преданный слуга халифа, бескомпромиссно действующий во благо государства [Dietrich, 2003; Большаков, 1998, с. 269-273].

24 | Т.е. Омейяды и Аббасиды.

25 | Т.е. от Пророка Мухаммада.

дабы они научили тех основам ислама и выводимым из него религиозным законам. Он послал с этой миссией десять сподвижников и тех, кто следовал за ними. Со временем ислам утвердился, а мусульманская община пустила корни, да так, что и далекие народы приняли ислам под влиянием его приверженцев. Но с течением дней состояния его менялись. Множество норм шариата было выведено из священных текстов по многочисленным случаям. Это нуждалось в законе, сберегающем от ошибок. Знание стало привычкой, для приобретения которой необходимо было обучение. Потому оно и стало ремеслом и профессиональным занятием. Об этом будет сказано в разделе о знании и обучении. Те, кто раньше опирался на *'аџабиййу*, стали теперь заниматься делами управления, а знание стали развивать другие. Оно стало ремеслом для заработка на пропитание. Правители и те, кто привык к роскоши, были слишком высокомерны, чтобы братья за преподавание. Это занятие стало уделом слабых, правители и те, кто опирался на *'аџабиййу*, презирали их. Отец ал-Хадждажа б. Йусуфа был одним из вождей (*сāда*) сакифитов²⁶, принадлежал к его знати (*аирāф*). Это племя, как известно, отличалось *'аџабиййей* к арабам и соперничало в благородстве с курайшитами. Обучение Корану, [которым занимался отец ал-Хадждажа], – вовсе не было ремеслом, **С. 50//** коим оно является в наши дни. Оно действительно было одним из первых явлений в исламе, как мы то описали.

Еще один пример подобной [ошибки] – несправедливые суждения, которые составляют читатели сочинений по истории, когда слышат о состояниях судей, об их предводительстве в бою и в ведении войска. Неверные суждения приводят к тому, что они занимают подобную позицию. Они считают, что должность судьи в прошлом была также значительна, как и в наши дни. Услышав, что предки Ибн Аби 'Амира, неограниченного властителя Хишама, и Ибн 'Аббада, одного из правителей Севильи, были судьями, они уподобляют их современным судьям*. Они не понимают, как изменились обычаи, связанные с должностью судьи. Это мы разясним в «Разделе о судьях» Книги первой.

Ибн Аби 'Амир и Ибн 'Аббад были из арабских племен, которые служили опорой Омеййадской династии в Андалусии, были связаны с ней *'аџабиййей* и известны своим [высоким] положением. Но лидерства и власти они достигли не потому, что занимали судейские должности, как это бывает в наши дни. Наоборот, [назначались] судьями те люди из числа членов династии и их клиентов, которые обладали *'аџабиййей*. Это вроде существующего и сегодня института вазирата в Магрибе. Подивитесь же тому, что судьи участвовали в летних походах, им поручались важнейшие задания, которые до-

* | ал-Манџур Ибн Абй 'Амир (испанизир. Almanzor, 978–1002) – *хаджиб* (советник, аналог вазира) при омеййадском халифе ал-Андалуса Хишаме (976–1013), сосредоточивший в своих руках фактическую власть в Кордовском халифате; его потомки, Амириды, сформировали могущественный политический клан, контролировавший халифат до 1021 г. В Валенсии Амириды сформировали самостоятельную династию, просуществовавшую с десятилетним перерывом до 1085 г. Представители династии Аббадидов аналогичным образом правили Севильей в течение большей части XI в. вплоть до утверждения на полуострове власти Алморавидов (1190).

26 | Бану сакиф – одно из крупнейших североаравийских племен. Еще до ислама сакифиты были тесно связаны с курайшитами, входя в число их основных торговых партнеров и, одновременно, конкурировали с ними за земельные угодья в Таифе. В первые века ислама, благодаря межплеменным бракам с курайшитами, сакифиты вошли в военно-административную элиту Омеййадского халифата.

веряли только тем, кто обладал *‘аҗабийей*. Слушатель здесь может впасть в заблуждение и неверно воспринять состояния (*ахвал*).

Таким ошибкам сейчас особенно подвержены слабые разумом андалусцы. Это потому, что *‘аҗабийя* у них была утрачена с тех далеких времен, когда пали арабы и их династии и с выходом из-под контроля *‘аҗабийи* берберов. Арабское происхождение не забывали, но способность к взаимопомощи и *‘аҗабийя* были утеряны. В итоге, они стали, подобно безвольному стаду, поработанному насилием, радоваться унижению. Они полагали, что на происхождении и связи с династией зиждется их

С. 51 // преобладание и господство. Потому и оказывается, что даже ремесленники принимаются за это и стремятся к их приобретению. Что же касается тех, кто имел дело с состояниями племен, *‘аҗабийей* и династиями Западного побережья²⁷, кто знает, как достигается превосходство между народами и племенами, то они редко ошибаются и дают неверные суждения об этом.

Того же рода примером является и то, чему следуют историки, когда упоминают династии и приводят их правителей. Они перечисляют имена самого правителя, его предков, отца, мать и жен, его титул, перстень с печатью, его судью, привратника и министра (*вазір*). Во всем этом они следуют традициям историков двух династий, не вникая при этом в стоявшие перед ними цели. Историки в те времена писали свои сочинения для представителей правящей династии, для детей, которые интересовались обстоятельствами жизни предков, чтобы следовать их примеру и быть им подобными, вплоть до того, что делали своими слугами потомков [предыдущей] династии и наделяли должностями и званиями детей их прислуги.

Судьи также были носителями династической *‘аҗабийи* в не меньшей степени, чем министры, как мы о том упомянули. Потому [историки] должны были упоминать обо всем этом.

С течением времени династии разнились, эпохи друг от друга отдалялись. Интерес [историков] остановился на самих правителях и отношениях между династиями, их силой и доминированием, на том, какие народы могли за них состязаться, а какие были для этого слишком слабы. Какая польза для автора в наши дни упоминать сыновей и жен, увековечивать перстень с печатью, титул, судью, министра и привратника старинной династии, происхождение, родословная и значение (достоинства, положения) которой ему неизвестны? Он упоминает о них в слепом подражании, проявляя безразличие к истинным целям древних историков и исторического предания вообще. Исключения составляют упоминания о министрах, влияние которых столь велико, что история посвятила им больше своих страниц, чем правителям. Среди них – ал-Хадждадж, Бану Мухаллаб, Бармакиды, Бану Сахл б. Наубахт, Кафур ал-Ихшиди, Ибн Аби ‘Амир и другие. Нет ничего дурного в том, чтобы упомянуть об их жизни, указать на связанные с ними обстоятельства, ведь они стояли в одном ряду с правителями.

Назовем здесь последнее замечание, которым и завершим наш разговор в этом разделе. История – это конкретные сообщения об эпохе или поколении (*джй́л*). Упоминание общих обстоятельств (*ахв́л*), связанных с территориями (*аф́а́к*), поколениями и эпохами, для историка – основа, на которой покоится большинство его намерений и благодаря которой проясняется предание. Многие делали это темой своего сочинения. Так, ал-Мас‘уди в книге «Золотые копи» раскрыл состояния народов и местностей Запада и Востока в его время, то есть в 330-е годы²⁸. Он упомянул о их религиозных толках и обычаях, описал

С. 52 // государства, горы, моря, провинции и династии. Он различал арабов и неарабов. Он стал для историков вождем, к которому обращались, началом, по которому выверялось большинство исторических сообщений. Ему наследовал ал-Бакри:²⁹ он сделал подобное для дорог (*мас́а́лик*) и провинций (*мам́а́лик*), исключив остальные явления, потому как народы и поколения в его эпоху не переживали заметных перемен.

Сейчас, в конце восьмого столетия³⁰, состояния (*ахвал*) в Магрибе совершенно изменились, буквально перевернулись. Берберов, населявших его с незапамятных времен, сменили арабы, которые пришли туда в V веке. Они нанесли берберам поражение, подчинили их и отняли большую часть земель, а оставшиеся поделили. Так было пока в середине VIII века цивилизацию (*‘умр́а́н*) на Востоке и Западе не постигла страшная чума, которая истощила народы, истребила племена и уничтожила многие блага цивилизации (*ма́х́а́син ал-‘умр́а́н*). Она пришла, когда династии уже одряхтели от старости и пребывали у власти максимально долго. Они стали неспособны оказывать покровительство, их влияние было поколеблено, а власть ослабла. [Династии эти] были близки к гибели и исчезновению присущих им явлений. Цивилизация (*‘умр́а́н*) на земле сократилась со снижением численности населения. Города и мастерские опустели, пропали дороги и указательные столбы, обезлюдели дома и поселения. Династии и племена ослабли. Повсюду, где ступала нога человеческая, произошли перемены.

Думается, Машрик постигло то же, что и Магриб, однако в иной мере, сообразно с численностью его населения. Будто глас Вселенной возвестил о безразличии и угнетенности, и мир не замедлил ответить. Господь наследует Землю и всех ее обитателей. Если состояния меняются полностью, то и все тварное, весь мир будто бы переменяется коренным образом, создается вновь, возобновляется. Поэтому в такой период нужен тот, кто зафиксировал бы состояния тварного мира, территорий, племен, обычаев и религиозных направлений, которые претерпели изменения, для их сторонников, следуя по пути, который совершил в свое время ал-Мас‘уди. Он должен стать образцом для историков после него.

28 | По хиджре. Соотв. 940-м гг. н.э.

29 | Абү ‘Убайд ‘Абд Алла́х б. ‘Абд ал-‘Азйз б. Му́хаммад б. Аййуб **ал-Ба́кри** (ок. 432/1040-41 – 487/1094). Один из крупнейших географов средневекового мусульманского Запада, автор «Книги путей и стран» (*Кита́б ал-мас́а́лик ва-л-мам́а́лик*) и географического словаря *Му’джам ма-ста’джам*.

30 | Т.е. в конце XIV в. н.э.

В этой своей книге я упомяну то, что мне под силу сделать здесь, в Магрибе, с определенностью или будучи в курсе исторических сообщений, с примечаниями, так, чтобы ограничить свое повествование в этом сочинении Магрибом, состояниями его племен и народов;

С. 53 // упомянуть о владениях и династиях, [избегая упоминаний] о других регионах по причине того, что мне неизвестны состояния Машрика и его народов. Истинность исторических сообщений, передаваемых из уст в уста, не удовлетворяет полностью нашим пожеланиям. <...> Эти описания... ограничены в полноте передачи явлений, ведь выше всякого обладателя знания есть Всеведущий³¹. Господь вмещает все знание. Человек же слаб и ограничен. Признать это – долг каждого. Тому, кого Господь оделяет своей помощью, удаются все начинания, воплощаются стремления, у того исполняется желаемое. Мы прибегаем к Божьей помощи в том, к чему стремимся в этом сочинении. Господь защищает и помогает, на Него мы полагаемся.

Список литературы

- Бациева, 1965. – Бациева С. М. *Историко-социологический трактат Ибн Халдуна «Мукаддима»*. М.: Наука, 1965.
- Большаков, 1998. Большаков О. Г. *История Халифата. Т. 3. Между двух гражданских войн*. М.: Вост. лит., 1998
- Ибн Халдун, 1961. – Ибн Халдун. Введение (Фрагменты) // *Избранные произведения мыслителей стран Ближнего и Среднего Востока (IX-XIV в.в.)*. Составители С.Н. Григорян и А.В. Сагадеев. Под ред. С. Н. Григоряна. Москва, 1961.
- Ибн Халдун, 2004. – ‘Абд ар-Рахман Ибн Халдун. *Мукаддимат ибн Халдун*. Тахқик дуктўр Хамид Аҳмад ат-Тахир. Каир: Дар ал-фаджр ли-т-турас.
- Ибн Халдун, 1951. – *Ат-та’рийф би Ибн Халдун ва риҳлатих ғарбан ва шарқан*. Каир, 1951.
- Игнатенко, 1980. – Игнатенко А. А. *Ибн Хальдун*. М.: «Мысль», 1980.
- Коротаев, 2006. – Коротаев А. В. *Долгосрочная политико-демографическая динамика Египта: циклы и тенденции*. М.: Восточная литература, 2006.
- Мас’удӣ, 1958. – *Мурӯдҷ аз-заҳаб ва ма’адин ал-джаухар*. Таснӣф ар-рахҳала ал-кабир ва-л-му’аррих ал-джалил Абй-л-Ҳасан ‘Алий ибн ал-Ҳусайн ал-Мас’удӣ... Би-таҳқӣқ Муҳаммад Муҳӣй-д-Дӣн. Т. 1-4. Каир, 1958 (переизд.: Бейрут: Дар ал-фикр, 1973)
- ал-Мас’уди, 2002. – ал-Мас’уди, Абу-л-Хасан Али ибн ал-Хусайн. *Золотые копи и россыпи самоцветов (История Аббасидской династии: 749-947 гг.)*. Составление, перевод с арабского, примечания, комментарии и указатели Д. В. Миккульского. М.: Наталис, 2002.
- Миккульский, 2002. – Миккульский Д. В. «Золотые копи...» ал-Мас’уди и их место в арабо-мусульманской словесности // ал-Мас’уди 2002.
- Нефедов, 1999 – Нефедов С. А. *Метод демографических циклов в изучении социально-экономической истории допромышленного общества / Автореферат диссертации... кандидата ист. наук*. Екатеринбург, 1999.
- Нефедов, 2003 – Нефедов С. А. Теория демографических циклов и социальная эволюция древних и средневековых обществ Востока // *Восток* (3), 2003. С. 5–22.
- Пиотровский, 1994. – Пиотровский М. Б. Мухаммад и начало ислама // *Хрестоматия по исламу*. Сост. и отв. ред. С.М. Прозоров. М.: Вост. лит., 1994.
- Розов, 2006. – Розов Н. С. Закон Ибн Халдуна. К чему может привести рост коррупции и силового принуждения в России // *Политический класс*. (16), 2006.
- Уотт, 2006. – Уотт У. М. Мухаммад в Мекке. М.-СПб.: Диля, 2006.
- Atallah, 2003. – Atallah, W. Al-Kalbi // *Encyclopaedia of Islam. WebCD Edition*. Leiden: Brill Academic Publishers, 2003.
- Beeston, 2003. – Beeston, A. F. L. Tubba. // *Encyclopaedia of Islam. WebCD Edition*. Leiden: Brill Academic Publishers, 2003.

- Bianquis, 1998. – Bianquis, T. *Autonomous Egypt from Ibn Tulun to Kafur, 868–969* // *The Cambridge History of Egypt. 1: Islamic Egypt, 640–1517* / Ed. by C. F. Petry, p. 86–119. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1998.
- Bosworth, 2003. – Bosworth, C. E. 2003. Al-Tabari // *Encyclopaedia of Islam. WebCD Edition*. Leiden: Brill Academic Publishers, 2003.
- Cheddadi, 2005. – Cheddadi, Abdesselam. Reconnaissance d'Ibn Khaldūn // *Esprit*, n°11, novembre 2005.
- Dietrich, 2003. – Dietrich, A. al-Hadjdjadj // *Encyclopaedia of Islam. WebCD Edition*. Leiden: Brill Academic Publishers, 2003.
- Donner, 2003. – Donner, F. M. Sayf b. 'Umar // *Encyclopaedia of Islam. WebCD Edition*. Leiden: Brill Academic Publishers, 2003.
- Fück, 2003. – Fück, J. W. Ibn Sa'd. // *Encyclopaedia of Islam. WebCD Edition*. Leiden: Brill Academic Publishers, 2003.
- Ibn Khaldūn, 2002. – Ibn Khaldūn. *Livre des exemples* / Traduction et édition de Abdesselam Cheddadi. Paris: Gallimard, 2002. (Bibliothèque de la Pléiade).
- Ibn Khaldūn, 1958. – Ibn Khaldūn 'Abd al-Rahman. *The Muqaddimah: An Introduction to History*, translated from the Arabic by Franz Rosenthal. New York, NY: Pantheon Books, 1958. (Bollingen Series, 43).
- Ibn Khaldūn, 1858. – Muqaddimat kitāb al-'ibar wa dīwān al-mubtada' wa-l-khabar fi ayyām al-'arab wa-l-'adjam wa-l-barbar wa man 'āsharahum min dhawī-ṣ-ṣulṭān al-akbar. (Prolegomens d'Ibn Khaldoun) / Texte arabe publ. par E. Quatremere // *Notices et extraits des manuscrits de la Bibliothèque Impériale (NEMBI)*. Vol. XVI (I) – XVIII (III). Paris, 1858.
- Jones, 2003. – Jones, J. M. B. Ibn Ishak // *Encyclopaedia of Islam. WebCD Edition*. Leiden: Brill Academic Publishers, 2003.
- La Veronne, 2003. – La Veronne, Chantal de. Sanhadja // *Encyclopaedia of Islam. WebCD Edition*. Leiden: Brill Academic Publishers, 2003.
- Mahdi, 1937. – Mahdi, Muhsin. *Ibn Khaldūn's Philosophy of History. A study in the Philosophical Foundation of the Science of Culture*. London: Allen & Unwin, 1937.
- Pellat, 2003. – Pellat, Ch. al-Mas'ūdī // *Encyclopaedia of Islam. WebCD Edition*. Leiden: Brill Academic Publishers, 2003.
- Rosenthal, 1958. – Rosenthal, Franz M. Translator's Introduction and Commentary // *Ibn Khaldūn, 1958*.
- Turchin, 2003. – Turchin, P. *Historical Dynamics: Why States Rise and Fall*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2003.
- Watt, 1961. – Watt, W. M. *Muhammad: Prophet and Statesman*. Oxford: Oxford University Press, 1961.